

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com; Страница группы Вконтакте http://vk.com/library_foliant

ТРЕВОГИ ВАЛЕНТИНА СЕРОВА

*Вечер по искусству в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК
к 19 января - годовщине со дня рождения русского живописца и графика*

Валентин Александрович Серов (19 января 1865 -22 ноября 1911) - один из ярчайших художников Серебряного века, ученик Репина и Чистякова, мастер психологического портрета. Он создал замечательную портретную галерею всемирно известных современников - Шаляпина, Римского-Корсакова, Чехова, Дягилева, Ермоловой, Станиславского.

Отрадно, что в некоторых биографических книгах о Серове, изданных после 2005 года, используются редкие архивные документы, приведена уникальная семейная переписка Серовых и малоизвестные воспоминания современников художника. Такова, например, книга **Аркадия Кудря «Служенье красоте, или Жизнь художника Серова»**. Но, надо признать, что даже в этой изумительной и достаточно новой книге встречаются шаблонные фразы вроде: *«В своем творчестве Серов отразил и внешний блеск рубежа XIX–XX веков, и нараставшие в то время социальные коллизии, приведшие страну на край пропасти... передал мощные творческие импульсы своих современников в грядущий век»*.

Мне же хотелось рассказать о жизни и творчестве великого художника доступно и, по возможности, художественно. Хотелось сделать так, чтобы людям биография запомнилась, чтобы они увидели в Валентине Серове не памятник, а живого человека, в лицо которого то и дело заглядывала черная бездна. Человека, который остро чувствовал, что кругом виноват и что устроенную жизнь окружает хаос, и этот хаос в любую минуту готов ее захлестнуть.

Мне думается, что, только разглядев человека, можно более глубоко оценить его творчество. На первый взгляд, Серову везло - он был талантлив, имел прекрасный дом, любящую жену и детей. Только вот отчего не отпускала его тревога и пугало будущее? Почему художнику казалось, что рядом ходит беда, и судьба может обрушиться на него в любой момент?

Итак...

За плечами долгая жизнь... Что же вспомнить, кроме работы и долга?

Знаменитый живописец Валентин Серов, член Императорской Академии художеств и Попечительского совета Третьяковской галереи, лучший русский портретист, ехал домой. Сосредоточенный и мрачный, он сидел в извозничьей пролетке, безразлично рассматривая московские улицы, скользил взглядом по невысоким особнячкам и думал о том, что считал своей величайшей виной.

Друг бьется в тесной палате психиатрической лечебницы. Стены обтянуты войлоком, покалечить себя он не может. Когда приносят еду, его держат трое санитаров, четвертый вливает ему в рот бульон. Но как он спит? Да и спит ли?

Он представлял, как однокурсник и однокашник **Михаил Врубель** шарахается от пришедшей навестить его жены, кричит - но слова сливаются в нечленораздельное, полное ужаса и гнева рычание... Какое несчастье, какая огромная беда! И первый толчок, отправивший друга в дом скорби, получен от него! Но кто мог подумать, что все пойдет так далеко?

Серов был мрачен - впрочем, он вообще редко улыбался. Его считали непростым, тяжелым в общении человеком, и этому очень способствовало то, что он был глух на одно ухо.

За плечами долгая жизнь: заработанная тяжким трудом слава, одна-единственная женщина, которой он никогда не изменял, шестеро детей - ему есть, чем гордиться, но радости это не прибавляет. Гулякам и бабникам живется куда веселее, им, по крайней мере, есть, что вспомнить кроме работы и долга...

...Через несколько минут академик живописи Серов приедет домой, там его ждут Леля с обедом и дети. Жена спросит, как прошел день, и он расскажет об интригах вокруг Попечительского совета Третьяковки, а о том, что происходит с Врубелем, умолчит - у Лели слабое здоровье, не стоит ее волновать.

Девять лет до осуществления мечты

А ведь когда-то судьба сулила иное. Приехав в Петербург в 1880 году поступать в Академию художеств, он остановился у своей тетки **Аделаиды Семеновны Симонович**. В ее доме жили четыре кузины - двое поменьше, две другие - прелестные молоденькие барышни, - и тетина воспитанница **Оля Трубникова**, Леля. Дядюшка, **Яков Миронович**, лечил ее отца от туберкулеза. Когда тот умер, и девочка осиротела, Симоновичи взяли ее в свой дом и воспитали как родную дочь. Невысокая, тихая, аккуратная барышня с бледным личиком приворожила его с первого взгляда.

Поступив в Академию, Серов перебрался на другую, съемную квартиру, но по-прежнему бывал у Симоновичей. Вскоре он привел сюда друзей - **Владимира фон Дервиза**, **Михаила Врубеля**, а потом и учившегося живописи частным образом **Илью Остроухова**. Фон Дервиз влюбился в Надежду, кузину Серова, а Врубель начал ухаживать за Лелей Трубниковой.

При первом знакомстве Врубель распустил перед ней хвост, как павлин, - уж это-то он умел. Леля же была с ним подчеркнута холодна. Между Валентином и тетинной воспитанницей еще ничего не было, они не объяснялись в любви, не целовались, но это ничего не значило. С самой первой минуты, как он ее увидел, с первых же слов между ними проскочила искра, оба почувствовали, что друг без друга дальше не смогут, и это - на всю жизнь.

Врубель унывать не стал и приударил за кузиной **Машей**, а ... Дервиз привел в тетин дом своего младшего брата **Валериана**, которому приглянулась кузина **Аделаида**. Через несколько лет сыграли две свадьбы: фон Дервизы женились на сестрах Симонович. Братья могли позволить себе все, что угодно: их отец входил в Государственный совет, дядюшка считался одним из самых крупных железнодорожных концессионеров России.

А у Серова в кармане - ни гроша, и им с Лелей пришлось ждать своей свадьбы девять лет. Они выдержали: выросшая около чужого семейного очага сирота мечтала о своем собственном, у Валентина эта тяга была еще сильнее.

Плоды материнского воспитания

Тетя с мужем были людьми добрейшей души и обожали детей - Леле с ними повезло. Дядя стал одним из первых детских врачей России, тетюшка организовала первый в стране детский сад. А он, при живой матери, часто обретался у чужих людей и ладил с ними лучше, чем с ней. Ребенком он искал, к кому бы прилепиться: своя семья, устроенная и надежная, была его идеалом...

Леля ответила бы на это, что его мать, Валентина Семеновна, делала все, что могла и умела. Она необыкновенная женщина и многое ему дала. Это правда, но радоваться тут нечему. Серов всегда старался стать не таким, как мать, а в результате превратился в ее подобие: у него слишком жесткий характер, рядом с ним неуютно.

Толком мальчика никто и не воспитывал. Отец, знаменитый композитор и музыкальный критик, умер, когда Вале исполнилось шесть лет, он его плохо помнил. Мать была моложе отца на четверть века: в молодости она брала у него уроки музыки и

влюбилась в своего учителя. У отца были неважные отношения с профессорами консерватории, и матушка бросила учебу, хотя ее никто об этом не просил.

Овдовев, она решила написать оперу, для этого надо было учиться композиции и теории музыки. Ребенок ей мешал, и она отправила его к подруге, княжне **Друцкой**, в коммуны последователей **Чернышевского**, живших одним домом «новых людей». Сейчас мать уверяет, что ему там было хорошо, но он запомнил другое: за какую-то мальчишескую проказу княжна Друцкая разорвала его рисунок, а он тайком изрезал ее любимое платье.

Потом они с матерью жили в Европе - в Германии (там в наказание за непослушание она на время отдала его в чужую семью) и во Франции. Мать пыталась пройти программу консерватории, он тоже чему-то учился - урывками, между сборами в дорогу и переездами.

Когда вернулись в Россию, мать влюбилась в студента-нигилиста, и они отправились к нему на Украину. Жизнь на хуторе Ахтырка, рыбалка, охота - ее избранник оказался прекрасным человеком и хорошо ладил с мальчишкой. Но на Украине началась холера, они бежали от нее в Москву, а матушкин гражданский муж **Василий Немчинов** остался. Он лечил крестьян, да к тому же не смог бы уехать, даже если бы и хотел, ибо находился под полицейским надзором, как политически неблагонадежный.

Немчинов заболел холерой и умер, мать погоревала и вернулась к своей опере. Сына она определила к старому знакомому, знаменитому художнику **Репину**. Учиться он не любил, и когда его отдали в гимназию, это испортило жизнь и ему, и педагогам - худшего воспитанника в классе не было. Зато знатоки восхищались его рисунками.

Серов не жалел о том, что вылетел из гимназии после трех классов. Будь жив отец, все сложилось бы иначе, но для чего ему была нужна долгая, нудная и бесполезная гимназическая маета? Он прекрасно обходится без знания интегралов, французского и латыни.

Репин порекомендовал Валу в петербургскую Академию художеств, своему старому знакомому, профессору **Чистякову**. Но Серов не окончил и Академии: взял от нее все, что мог, и пустился в свободное плавание, зарабатывая на жизнь живописью.

Мать была в ярости: к этому времени она перебралась в Петербург и хотела, чтобы они жили вместе. У нее появилась новая мечта: Валентин станет учиться, а она будет вести хозяйство - чем не идиллия? К старости Валентине Семеновне захотелось сыновней любви и домашнего тепла, но он бежал от ее общества, как черт от ладана.

Мать Серов не любил, но никакой вины за собой не чувствовал - волевая, сумасбродная женщина жила, как хотела, распоряжаясь им, словно игрушкой. Писала позже поставленную в Большом театре и осмеянную критиками оперу, влюблялась, учила музыке крестьян и, оказавшись у разбитого корыта, вспомнила о сыне.

Но искать у него любви и тепла не стоило: сыновние чувства Валентин испытывал к другим женщинам: к первой жене Репина **Вере Алексеевне** и **Елизавете Григорьевне Мамонтовой**.

Репин еще ребенком ввел Серова в дом миллионера и мецената **Саввы Ивановича Мамонтова**, его жена Елизавета Григорьевна опекала будущего художника и относилась к нему, как к родному - он вырос в их имении Абрамцево. Мамонтов давал ему заказы, и Серова заметили; манера, в которой он работал, пришлась по вкусу и московским купцам, и петербургскому свету.

Однако, какое сердце может быть у того, кто не любит родную мать? Может ли такой человек быть деликатен с друзьями, ведь он и к себе-то безжалостен?

Когда ты повзрослеешь?

Думая об этом, он и не заметил, как приехал домой. За обедом, конечно же, рассказал Леле все, что узнал о Врубеле. Она помрачнела, сказав, что ему не в чем себя

упрекнуть, это началось давно и, видимо, было необратимо, Валентин тут ни при чем. Но все же надо быть сдержаннее и выбирать слова так, чтобы они не ранили людей.

- ...*Ты ухитрился рассориться с царским семейством. Обидел государыню, потом отказался от придворных заказов, будто императорская фамилия в чем-то перед тобой виновата. Что тебе стоило промолчать, ведь императрица - всего лишь женщина! Это, в конце концов, не по-джентльменски...*

То, что у императора на портрете не те щеки и подбородок, Александра Федоровна сказала от любви к мужу: в ее глазах супруг ведь само совершенство. Царь хотел сгладить неловкость и ей поддакнул, напомнив, что царица-де училась живописи и хорошо в ней разбирается. А Серов был хорош - решил оскорбиться, собрал кисти и ушел, оставив портрет неоконченным!

Добрая знакомая и постоянная заказчица княгиня **Зинаида Юсупова** поведала, как огорчился государь, оттого что во время позирования царица осерчала на Валентина, как он жалел о том, что двор потерял Серова. Художник писал портрет княгини, а царь запросто, так же как и Серов, захаживал к Юсуповой в гости. О своих переживаниях царь, наверное, рассказал не без умысла - вдруг Зинаида помирит их с Серовым? А тот сказал, как отрезал:

- *В этом доме я больше не работаю.*

Это было глупостью, но раз слова сорвались с языка, за них надо отвечать - и он больше не брал заказов у дворцового ведомства. Да, он упрям, порой резок, эгоистичен, страдает от этого, но что хуже, заставляет страдать других.

- *И зачем ты был так резок с бедным Михаилом Александровичем? Неужели не видел, что он не в себе? Когда ты повзрослеешь?*- упрекала жена.

Серов слушал жену с непроницаемым лицом, опустив глаза в тарелку. Он не любил чувствовать себя виноватым, никогда не признавал свои ошибки, а сейчас был близок к этому - но не поворачивался язык.

Ничего не смыслишь в рисунке, а берешься мне указывать!»

Откуда, например, Серову при ссоре с Врубелем было знать, что он разговаривает с больным человеком?

...Расширенные от ярости зрачки, срывающийся голос, трясущиеся губы, белое лицо... Друг глядел на него с такой ненавистью, что Серову стало жутко: он ведь поступил по совести, сказал, что думал...

Картина Врубеля **«Демон поверженный»** наделала большого шума. И их троица - он, Александра Павловна Боткина-Третьякова и Илья Остроухов, прогрессивная часть Попечительского совета Третьяковки, - решили купить ее для галереи, несмотря на сопротивление консерваторов, которые ненавидели модернистов.

Имя Врубеля действовало на них как красная тряпка на быка, но большинство в Совете было за друзьями Серова. «Демон поверженный» великолепен, но Серова и Остроухова смущали погрешности в живописной технике. Настораживали и переливающиеся, необычно яркие краски, которыми выполнен «Демон». Врубель добавил в них бронзовый порошок, - а ну как с годами они потемнеют, и Третьяковка за свои деньги получит блеклую, невыразительную картину?

Когда Серов сказал, что надо бы переделать правую руку демона, Врубель побледнел и закричал: **«Ты ничего не смыслишь в рисунке, а берешься мне указывать!»**

Одно нелепое обвинение сменяло другое, оскорбление следовало за оскорблением. Остроухов его успокоил, руку Врубеля переписал. Серов посмотрел картину, и решил, что это еще не все. Он написал другу об этом так: **«Хотя для тебя и безразлично мое мнение, но все же скажу - ноги не хороши еще...»**

Остроухов передал Серову, что Врубель, узнав об этом, ругал его последними словами, каких и от грузчиков-то не услышишь.

«Демон поверженный» оказался для Врубеля роковым. Картину Третьяковская галерея не купила. Ее приобрел молодой коллекционер, миллионер **Владимир фон Мекк**. Фон Мекк планировал отдать «Демона» на выставку «Мира искусства», и Михаил Врубель, стремясь достичь совершенства, начал переделывать картину. Перед открытием выставки он переписывал «Демона» днем и ночью, и после каждой переделки лицо на картине становилось все страшнее.

Организаторы вмешались, когда стало ясно, что полотно гибнет, - к этому времени Врубеля уже охватило полное безумие...

В честь своего приобретения фон Мекк устроил банкет, пригласив Серова и Остроухова. Врубель был бледен, но держался спокойно, все началось после того, как подали вторую перемену блюд. После третьей рюмки он оскорбил всех художников, сидевших за столом, Серову посоветовал по многу раз копировать его «Демона», тогда он чему-нибудь да научится: *«Довольно тебе подковывать сапоги московским купцам!..»*

Кончилось все тем, что художник **Нестеров** разрыдался. Гости быстро разошлись, хлебосольный хозяин был совершенно уничтожен...

Вскоре Врубеля поместили в частную психиатрическую клинику. Илья Остроухов утверждал, что это не столько сумасшествие, сколько гипертрофированный, увеличенный в сотни раз и ставший непонятным людям дар. В том, что говорит Врубель, есть глубокий смысл, но его не понимают, так как слова не успевают за мыслью. То, что он рисует в доме скорби, по-прежнему великолепно...

В итоге Остроухов и Серов сошлись на том, что рядом с ними был гений, которого по-настоящему оценят только через годы.

...Леля упрекала мужа за то, что не нашел нужных слов за столом у фон Мекка - можно было встать, подойти к Михаилу Александровичу, обнять его за плечи и сказать что-нибудь доброе: глядишь, он бы и отмяк... Валентин молчал, уставившись в тарелку. А что тут скажешь? Она права. Да, он тяжелый человек. Наверное, все дело в текущей в его жилах крови.

Кругом виноват...

Серов вдруг вспомнил, как едва не отправил на тот свет нескольких друзей-художников. Дело было в Венеции во время холеры. Городские власти запретили морепродукты и свежие фрукты, а он сказал, что не уедет из Венеции, не попробовав устриц. Заставил друзей найти ресторанчик, где после долгих уговоров им подали моллюсков - с оглядкой, чуть ли не из-под полы.

Вечером у всей компании разболелись животы, их спасло только рекомендованное портье проверенное венецианское средство от болезней желудка. Каждый выпил по бутылке коньяка - и наутро у всех страшно болела голова, но холерой, слава богу, никто не заразился... А все его глупая упертость.

Вспомнилось и лето в Одессе, когда он приехал к Леле после долгой разлуки. Это было в 1885 году: у Лели подозревали туберкулез, и она отправилась на юг, к одной из его теток. К этому времени они уже поклялись друг другу в верности и часто переписывались.

Валентин нашел Лелю осунувшейся и бледной и решил, что она слишком много работает в канцелярии музыкального училища. Состояния барышне не оставили, так что приходилось самой зарабатывать на жизнь, и Олиной добросовестностью пользовалась вся канцелярия.

Валентин решил как-то ее развлечь - устроить морскую прогулку, объездить окрестности... Но неожиданно его познакомили с местным художником, в имении которого он увидел двух превосходных волов. Животные его просто заворожили, и несколько месяцев, вплоть до осени, почти забыв о невесте, он изо дня в день ездил в имение и писал волов, пытаясь схватить поворот головы, движение хвоста, блеск глаз...

Когда он, донельзя гордый, показал Оле готовую картину, невеста ничего не

поняла: «*Волы как волы, зачем ты потратил на них столько времени?*» Тогда они сильно повздорили, но любовь оказалась сильнее обиды...

А в далеком 1880-м Илья Остроухов и Владимир фон Дервиз бились об заклад: Остроухову казалось, что Врубель уведет у друга Лелю Трубникову, а Владимир уверял, что ничего не выйдет. Остроухов проиграл и сильно досадовал: в то время пятнадцать рублей были для него немалой суммой...

Четверо друзей работали в арендованной на общие деньги мастерской и собирались жить ради искусства, но судьба их развела: Фон Дервиз поселился в собственном имении, Остроухов занимается живописью для удовольствия, а Врубель и Серов оказались соперниками, по крайней мере, в собственных глазах.

Оба бросили Академию, жили заказами, считали копейки - но к Серову рано пришла известность. Он стал самым именитым в России, очень дорогим портретистом, академиком, одним из главных людей потеснившего передвижников объединения «Мир искусства». Его не ругали в печати, а картины Врубеля казались странными, критики его высмеивали.

Серов считал, что в монументальной живописи Врубель гораздо сильнее, но он никогда ему не завидовал. А странности у Михаила были и раньше: однажды он нарисовал Серова без зрачков, сказав, что они не нужны на картине...

Судьба Третьяковки

Серов поглядел на часы и вскочил: с минуты на минуту заявится мать. Накануне от нее пришло письмо, мать писала, что приедет дневным поездом и остановится у них. Валентину хотелось избежать ритуала встречи матери и сына - с поцелуями, вопросами и вечными упреками в том, что он мало ей пишет. Серов решил улизнуть в гости к старому другу Илье Остроухову - а Леля скажет свекрови, что он ушел на заседание Попечительского совета Третьяковской галереи.

В доме Остроухова, талантливого художника, женившегося на дочке миллионера-чаеоторговца **Боткина** и вступившего в семейное дело, Серова всегда поражало соединение купеческого размаха и вкуса. Роскошная мраморная лестница и прекрасные картины на стенах, мебель красного дерева и огромная библиотека - в большом богатстве, что там ни говори, есть толк...

Заседание Попечительского совета, конечно, было отговоркой, но они с другом и в самом деле много судачили о Третьяковке. От Остроухова Серов узнал скверную новость: возможна ротация, баланс голосов изменится в пользу консерваторов - тогда они не смогут купить ни одной стоящей картины.

Серов не на шутку разволновался, заговорил об отставке, Остроухов принялся его унимать.

- После того, как в 1905 году солдаты стреляли в народ, ты отказался от звания академика. Это собирались сделать многие, но когда дошло до дела, ты остался один, никто за тобой не пошел. И что изменилось? Если уйдешь из Попечительского совета, Третьяковку заполонит ложноклассический хлам. Гордость Москвы погибнет - кому от этого станет лучше?

Художник должен служить своему гению, а не успеху

...Серов возвращался домой по пустым, безлюдным улицам и думал, что ночью, когда тебе в лицо заглядывает черная бездна, остро чувствуешь, что устроенную жизнь постоянно окружает хаос, который в любую минуту может ее захлестнуть.

Он талантлив, ему везет, его любят и уважают друзья - художники. **Борис Кустодиев** как-то сказал: «*В лучших портретах Серова характерное доведено до вершины*».

У него прекрасный дом, любящая жена, подрастают дети - но отчего же не отпускает тревога, отчего пугает будущее? Жизнь налажена раз и навсегда. И все же ему кажется, что рядом ходит беда и судьба может обрушиться на него так же, как на Врубеля.

Он тихо вошел в прихожую, пробрался по коридору, ступая на носках, чтобы никого не разбудить, и похолодел: в гостиной горел свет, из-за двери раздавался энергичный голос матери.

Серов замер на пороге. Валентина Семеновна позировала Репину для царевны Софьи и рассказывала о том, как замечательно поют крестьяне, которых сама учит музыке. Жаловалась на не доросших до ее опер критиков и равнодушную публику, скверно певших артистов и недобросовестных декораторов - отсюда и провалы опер...

Илья Ефимович пригласил Валентину Семеновну не случайно. Матушка Серова - человек страстный, ради своих убеждений не только пойдет на костер, но и других сожжет. После того, как в деревне сгорел отцовский архив, который мать непонятно зачем перетащила туда из Петербурга, она вечно ждет беды. Вот и сейчас уговаривает Лелю готовиться к будущим катастрофам и загодя урезать расходы.

- ...*Роскошь, вы тонете в роскоши! Ты не можешь от нее отказаться! Это очень опасно. Что с вами будет, если Валентин поскользнется, упадет и сломает себе шею?!*

Он слушал и пожимал плечами: ну, какая у них роскошь? Живут скромно: ни ковров, ни дорогого фарфора, ни бронзы, ни мебели красного дерева... Наверное, матушка сравнивает их быт со своим, деревенским... Да и с какой стати ему падать и разбиваться насмерть? Он крепок, как дуб.

...Михаила Врубеля Серов переживет на год: рассудок к бедному другу так и не вернется, но дар свой он не утратит. Даже в психиатрической лечебнице Врубель будет писать картины, а в его словах будет часто звучать имя «Серов».

Казалось, безумец вел давний, бесконечный спор, что-то доказывал и добивался ответа. Он хотел сказать, что Валентин ошибается - вдохновение сильнее техники. Что настоящий художник должен служить не успеху, а своему гению, и совершенно не важно, как написана рука или нога, если он так это видит...

Но слова Врубеля опаздывали и путались, не успевая за мчащимися вскачь мыслями, и его никто не понимал. До поры до времени не понимал и Валентин Серов. В произошедшем с Врубелем несчастье не было прямой вины художника, однако, сам он, будучи повышенно совестливым человеком, был убежден, что мог бы что-то изменить в судьбе друга в лучшую сторону, но не сделал этого. До конца своих дней он будет чувствовать себя виноватым.

Скончается Валентин Серов 5 декабря 1911 года в Москве. Его похоронят на Донском кладбище, а позднее останки перенесут на Новодевичье кладбище.

P.S. После основной части читателей ждало небольшое сообщение *«Макро- и микрокосмос художника Бориса Смирнова -Русецкого (1905-1993)»*, которое подготовила тольяттинская поэтесса **Людмила Киселева**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Александров А.** Валентин Серов - художник, который из-за бедности ждал свою свадьбу девять лет//Караван историй.- 2013. - №11.
2. **Арбузов Г.С.** Серов.- Л.-М.. 1960.
3. **Валентин Александрович Серов.** 1865-1911/ Авт. текста и сост. альбома Д.В. Сарабьянов.- Л, 1974.
4. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1, 2.- Л., 1971.
5. **Грабарь И.** Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. 1865-1911/Игорь Грабарь. - М.. 1965.
6. **Гурр Т. Р.** Почему люди бунтуют. - СПб: Питер, 2005.
7. **Копишицер М.** Валентин Серов.- М., 1972. - (Серия "ЖЗЛ")

8. **Кудря А.** Валентин Серов/ Аркадий Кудря.- М.: Молодая гвардия, 2008. - (Серия «Жизнь замечательных людей»)
9. **Лебедев Г. Е.** Валентин Серов / Отв. ред. П. Т. Щипунов; обложка и титул Л. С. Хижинского. - Л.; М.: Искусство, 1946. - 100 с. - (Серия «Мастера русского искусства»). - Тираж: 10 000 экз.
10. **Леняшин В.А.** Портретная живопись В.А. Серова 1900-х годов.- Л., 1980.
11. **Петров В.** Возвращение исторической картины Серова «После битвы на Куликовом поле» // Наше Наследие: Иллюстрированный культурно-исторический журнал. -1993.- № 27.
12. **Розенвассер В. Б.** Валентин Серов (к 125- летию со дня рождения).- М.: Знание, 1990.- 56 с.
13. **Серова В.С.** Как рос мой сын.- Л, 1968.
14. **Симонович - Ефимова Н.Я.** Воспоминания о Валентине Александровиче Серове.- Л. 1986.
15. **Соколова Н. И.** Валентин Александрович Серов. - М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. - 80 с. - Тираж: 40 000 экз. (обл., суперобл.)
16. **Штомпка П.** Социология социальных изменений. - М.: Аспект-пресс, 1996.